

ОСНОВАНО
НА РЕАЛЬНЫХ
СОБЫТИЯХ

ДАНИЛА
СПИВАНОВСКИЙ

ВЛАДИМИР
ЛЕГОЙДА

НИКИТА
ХРУЩЕВ

ЗАХАР
ПРИЛЕПИН

НИКОЛАЙ
ВАУВ

СЕРГЕЙ
БОЯКОВ

ПЕТР
ДАНЧУК

С СОВЕТАМИ
ПСИХОЛОГА

СЕРГЕЙ
ТРОФИМОВ

ФЕДОР
КОНУХОВ

АНДРЕЙ
МЕРЗАНКИН

БЫТЬ ОТЦОМ!

Звездные папы
о своем родительском
опыте

Захар Прилепин

**Быть отцом! Звездные папы
о своем родительском опыте**

«Никея»

2017

УДК 159.923.2
ББК 88+86.37

Прилепин З.

Быть отцом! Звездные папы о своем родительском опыте /
З. Прилепин — «Никея», 2017

ISBN 978-5-91761-727-5

Отцовство – потерянный в наше время дар, и для его возвращения в современную жизнь нужно приложить усилия. Причем не только мужчинам, но и женщинам, ведь их поддержка и помощь многое решают. О том, в чем состоит значение семьи и отцовства для мужчины, как ему найти свое место в новой системе отношений и выстраивать их, как воспитывать детей, рассуждают, опираясь на свой опыт, знаменитые отцы. Книга издана в рамках Всероссийского проекта «Быть отцом!», цель которого – поддержка ценностей ответственного отцовства. Инициаторы проекта: Фонд Андрея Первозванного, интернет-журнал для настоящих пап «Батя», издательство «Никея».

УДК 159.923.2
ББК 88+86.37

ISBN 978-5-91761-727-5

© Прилепин З., 2017
© Никея, 2017

Содержание

Введение	6
Протоиерей Федор Конюхов	8
Комментарий психолога	16
Владимир Легойда	18
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Быть отцом!

Знаменитые папы – о своем родительском опыте

© АНО «Никея», 2017

© ООО «Никея», 2017

Допущено к распространению Издательским советом Русской Православной Церкви
ИС Р17-704-0124

Введение

Отец сомневающийся

Мы живем в такое время, когда культурные требования к мужчине активно расширяются. Раньше мужчины, грубо говоря, делились на пьющих и непьющих. Если ты – несильно пьющий, а следовательно, почти не колотишь своих домочадцев и более-менее регулярно приносишь домой деньги – то, в общем, ты как отец и муж, считай, вполне состоялся. Жена и родители хвастаются тобой перед соседями, и на работе ты на хорошем счету.

В наш век от мужчины ожидают большего: он должен быть и интересным собеседником, и развиваться как личность, и быть грамотным воспитателем. Так как для нас, мужчин, возможность уважать себя зиждется в ответе на вопрос «Получилось у меня или не получилось?», поводов усомниться в своей успешности, адекватности у нас теперь множество.

В сфере родительства это беспокойство усугубляется еще и тем, что основная масса литературы по воспитанию посвящена, скорее, прокачке «женских» навыков: активного слушания, сострадания, умения войти в положение ребенка.

Конечно, я немного утрирую, но, если слушать весь хор популярной психологической литературы, получается, что хорошим отцом станет тот мужчина, который научится быть для ребенка еще одной хорошей, поддерживающей матерью.

А куда мужчине девать сердитость, требовательность, желание научить чему-то трудному, грубость, волевые качества, агрессию? С одной стороны, он должен быть «стеной»: надежным, нерушимым, крепким. Казалось бы, это как раз связано с умением игнорировать чувства, упорством и непримиримостью по отношению к врагам.

С другой стороны, «стена» должна быть очень великодушной, общительной, нежной, сострадающей. Так же как женщины страдают от двойной деятельной нагрузки (и на работу ходить, и о детях заботиться), мужчины страдают от двойной эмоциональной нагрузки (быть и твердым, и мягким).

Выход здесь, видимо, в том, чтобы быть живым, уметь адаптироваться, переключаться. Иногда больше доверять себе и идти наперекор женским и детским капризам, проявляя жесткость и «нечуткость». Иногда – проявлять великодушие и снимать броню: позволить супруге «выстрелить» все свои претензии к планете Земля в целом и к своему несовершенно мужу в частности, разрешить дочке разрисовать папе лицо губной помадой или простить сыну двойку по математике, заметив, как парень сам расстроен из-за случившегося.

Пытаясь соответствовать противоречивым требованиям, отцы, прямо скажем, иногда оказываются не на высоте, и тогда женщины начинают общаться с ними как с бестолковыми подростками.

Чтобы избежать унижения, мужчины эмоционально устраниаются из жизни семьи, прячутся на работе и в гараже, а женщины чувствуют себя брошенными и, следовательно, еще больше сердятся, еще больше «кусаются».

Здесь мне кажется важным делать усилия с обеих сторон и стараться, несмотря на обидный текст, заметить боль, нужду каждого супруга. Только так можно преодолеть «презумпцию виновности» и стать эффективным и взаимонасыщающим тандемом.

Почему я решил принять участие в создании этой книги? хотя среди моих клиентов немало мужчин, в целом можно сказать, что мужчины, в отличие от женщин, не очень склонны обсуждать с кем-то свои душевные переживания. Вот почему в своих комментариях я хотел коснуться тех вопросов, которыми нередко задаются отцы (в том числе и я сам).

Я надеюсь, что мои рассуждения подтвердят отцам, что они не одиноки, поддержат их в способности доверять своим принципам и интуиции.

А кто-то, может быть, сможет, наоборот, увидеть привычную ситуацию в непривычном свете и захочет попробовать что-то новое в своих отношениях с сыном или дочерью.

Понятно, что среди читателей этого мужского издания будет немало представительниц прекрасной половины человечества. Все, что касается семьи, отношений, воспитания, вызывает у них активный интерес. Тем более когда о таких вопросах добровольно рассуждают мужчины – в обычных условиях из некоторых мужей клещами не вытянешь, что они думают и что переживают. Я надеюсь, что чтение этой книги поможет женщинам отнестись к различиям между отцовством и материнством с меньшей тревогой, а скорее, с интересом. А в чем-то, наоборот, убедиться, что в глубине души мужчины тоже люди: так же как и женщины чего-то боятся, на что-то обижаются, тоже хотят быть понятыми и признанными.

А еще участием в этой книге я бы хотел выразить благодарность моему собственному отцу. Во-первых, для него выход книги с моей (нашей) фамилией является событием. Во-вторых, знакомство папы с моими размышлениями, вероятно, даст нам повод для разговора о нем, обо мне, о наших отношениях. А может быть, эти комментарии натолкнут его на какие-то воспоминания, которые он позабыл, и я узнаю что-то новое о нашей семье и о его понимании отцовства.

Психолог Петр Дмитриевский

Протоиерей Федор Конюхов Я хочу, чтобы у детей была цель

Федор Конюхов.

Фото: Рамиль Ситдилов / РИА Новости

Предложение поговорить о роли отца в семье отец Федор встретил задорным смехом: «Ну что вы! Какая роль! Вы меня без ножа режете».

Известный путешественник нечасто бывает в Москве, и в его мастерской всегда очередь из желающих обсудить рабочие вопросы, получить благословение или просто познакомиться. Но он все-таки нашел время для интервью.

Мы сидим на втором этаже, где собраны иконы, книги, картины, предметы, привезенные из экспедиций, к которым в ходе рассказа отец Федор обращается как к живым свидетелям событий его жизни.

Биографическая справка

Родился 12 декабря 1951 года на берегу Азовского моря, в селе Чкалово. Окончил Одесское мореходное училище, Бобруйское художественное училище, Ленинградское арктическое училище. Капитан дальнего плавания. Совершил четыре кругосветных путешествия, пятнадцать раз пересек Атлантику на парусных яхтах, один раз на весельной лодке «Уралаз». Первый человек в мировой истории, которому удалось достигнуть пяти полюсов нашей планеты: Северного географического (три раза), Южного географического, Полюса относительной недоступности в Северном Ледовитом океане, вершины Эвереста (полюс высоты), мыса Горн (полюс яхтсменов). Первый россиянин, которому удалось выполнить программу «7 Вершин мира» – подняться на высочайшую вершину каждого континента. В 1983 году принят в Союз художников СССР. Член Союза писателей РФ. Автор четырнадцати книг. В 2010 году рукоположен в сан священника.

Женат. Отец троих детей.

Блиц-опрос

Ссылка на видеоинтервью с Федором Конюховым в интернет-журнале «Батя» <http://rusbatya.ru/konyuhov/>

Кто в доме хозяин?

– А в каком доме?

В вашем доме.

– Мне шестьдесят четыре года, а я так и не построил себе дома. Живу сейчас в Свято-Алексиевской пустыни, там, где мой духовник. Он просто дал мне келейку, мы там с семьей живем.

Отцовство – это...

– Отцовство – это потребность человеческая. У меня трое детей: два сына и дочка. Шесть внуков: четыре внука и две внучки. И детей я своих не воспитываю, потому что я всегда задаю себе вопрос: а воспитан ли я сам? Но стараюсь показывать пример.

Например, взялся за какое-то дело – доведи его до конца. Люби людей, отдавай больше, чем берешь. Вот я сказал, что дом не построил. Да я построил! Я девять часовен и два храма построил. А себе дома не построил, потому что решил, что надо сначала отдать, а потом уж брать. Иногда в океане я думаю, что, может быть, через одну-две секунды предстану перед господом Богом. И что же я ему скажу: «Я построил себе дом»? По той же причине я не принимаю никогда никаких наград. У меня тридцать два друга не вернулись из экспедиций. И что? Они ушли в тот мир, а я в этом мире получаю награды и строю себе дома? Нет. Если дети захотят, пусть они себе сами строят.

Каким должен быть настоящий мужчина?

– Настоящий моряк – тот, который ходит в океан. Настоящий священник – который стоит у престола. Настоящий художник стоит у холста и пишет картины. Пахарь – за плугом, летчик – у штурвала. Вот это все и есть настоящий мужчина.

А настоящий отец?

– А отец – он всегда настоящий, если у него есть дети, семья.

Что вы делаете, когда дети вас не слушаются?

– Ой, ну, меня дети и внуки всегда слушаются, потому что я мало бываю дома. Очень редко их вижу. Мы с женой прожили тридцать лет вместе, а она говорит: «Да какие тридцать! Мы и десяти еще не прожили!» У нее своя арифметика. Она считает, сколько мы вместе были. А внуки считают, сколько я миль прошел.

Слова или поступок отца, которые особенно врезались в память и повлияли на вашу жизнь?

– Отец для меня много значил. В нем я как раз видел настоящего мужчину. Он из рыбаков был, из поморов, и сам всю жизнь ходил в море, рыбачил. Я редко видел отца, но гордился им. Когда он приходил с моря, от него пахло рыбой, смолой. Это мне на всю жизнь запомнилось. Отец в этом году умер, ему было девяносто восемь лет.

Какая книга повлияла на вас?

– В детстве я много читал Джека Лондона.

Первые слова детей, какими они были?

– Первые слова моих детей и внуков – «восемь восемь сорок восемь». Это высота Эвереста – 8848 метров. В 1992 году мы с моим другом Женей Виноградским поднялись на Эверест с южной стороны. Я готовился с двадцати лет, занимался альпинизмом. Еще внуков тогда не было. Ровно двадцать лет прошло – и я еще раз поднялся, на этот раз с северной стороны. Так что сорок лет жизни у меня связаны с Эверестом, и эта цифра сидит в голове у каждого – восемь восемь сорок восемь.

Какие детские песни вы знаете?

Можете напеть любимую?

– Я своим детям не пел детские песни. Пел Талькова, Высоцкого, Визбора, Окуджаву. Я же их всех лично знал, и они меня знали. Вот кого знал, тех и пел.

Что самое важное вы бы хотели донести до своих детей.

– Чтобы они были православные – не на словах, а в корне, чтобы любили нашу Родину, страну. Как бы ни было тяжело, страну никогда нельзя покидать, если ты русский. Я бы мог много где жить, но здесь лежат все наши прапрапра. Тем более нам, Конюховым, это нельзя. У нас в роду пять канонизированных святых.

Сколько должно быть детей в семье?

– Это, я думаю, зависит от семьи. Конечно, надо больше двух обязательно, иначе население страны не будет расти. Три – хорошо. Пять, шесть – отлично. Но это зависит и от здоровья людей, и от времени. Мы с матушкой хотели бы еще девочку. Детей же нельзя просто клепать, правильно? Надо их любить. Дети не должны быть в тягость.

Отец Федор, каким было ваше первое детское впечатление от моря?

– Не помню. И как научился плавать, тоже не помню. Я же вырос на Азовском море. Даже родился на берегу. Мама говорила: «Пошла рачков собирать поутру, там и родила». У нас в роду все священники или моряки. И я с восьми лет уже знал, что буду путешественником, таким, как Георгий Седов¹. Мой дедушка участвовал в его первой экспедиции на Новую Землю. Он говорил: прежде чем стать путешественником, надо выучиться на штурмана, и я пошел в Одесское мореходное училище. Потом уже окончил ленинградское арктическое училище.

– В советское время о ваших родственниках-путешественниках наверняка рассказывали, а о ваших родственниках-священниках говорили открыто?

– Моего родственника протоиерея Николая Конюхова убили 29 декабря 1918 года. Обливали водой на морозе, а когда он потерял сознание, застрелили. Мои родители старались об этом нигде не упоминать – боялись. Даже когда я пошел учиться в Духовную семинарию в 1969 году, папа сказал: «Ты поменьше там распространяйся о том, что у тебя в роду священники были».

Сейчас, конечно, я горжусь своими предками. Молюсь и прошу у них прощения за то, что мы стеснялись, боялись говорить о них.

«Я ухожу раз за разом в океан не за тем, чтобы еще чем-то удивить мир или поставить очередной рекорд в плаваниях под парусами. Я просто боюсь людского мира и всего скверного, что сопутствует жизни на берегу, и завидую людям, которые до такой степени боялись скверны мира, что уходили далеко от этой скверны в леса и пустыни, в монастырские кельи и там всю жизнь проводили в молитвенном общении с Богом²».

– Как получилось, что вы пошли учиться в семинарию?

– Очень просто получилось. Поступил – и все. Вот как я с детства знал, что буду путешествовать, так же знал и что буду священником. Мне представлялось, что где-нибудь в пятьдесят лет я перестану путешествовать и буду служить на приходе. В пятьдесят восемь лет я принял сан.

– Когда вы были маленьким, ваша мама сказала, что вы будете очень одиноким человеком. Как считаете, почему?

¹ Седов Георгий Яковлевич (1877–1914) – российский гидрограф, полярный исследователь. В 1912 году организовал экспедицию к Северному полюсу, но умер, не достигнув цели.

² Здесь и далее цитаты из книги Федора Конюхова «Под алыми парусами». В книгу вошли дневниковые записи, которые он вел, находясь в одиночном плавании в 2004–2005 годах.

– По моим повадкам. Мать всегда видит своего ребенка.

– **То есть вы в детстве были одиночкой?**

– Не то что одиночкой. Я всегда делом занимался – тем, что мне нравится. Я люблю рисовать, у меня есть талант. Плохой, мало, но есть. Это мое. Поэтому я учился живописи.

То же самое с путешествиями. Меня же в плавание никто не гонит. Просто мне там нравится, там мой мир. И священником я стал не для того, чтобы делать карьеру в Церкви. Я священник, потому что это у меня в крови.

«Что я дам Господу после моей смерти?

Я хочу дожить до глубокой старости. Хочу истратить жизнь и себя на труды. Я уйду в землю, а на ней оставлю плоды моего труда. И пойду в землю как сработавшееся орудие.

– **Вы были в семье «белой вороной»? Не таким, как остальные дети?**

– Не-не-не! Я не «белая ворона». Нас две сестры, три брата. Я средний, но всегда был лидером. Я заводил, а остальные меня слушались. И даже когда все выросли и разъехались, если надо было решения какие-то семейные принимать, родители говорили: «Вот Федька придет. Как он скажет, так и будет».

«Сын Николай, научись принимать в дом свой нищих и бродяг. Если тебе постучит в дом бродяга, открой ему двери и скажи: «Войди в дом мой, благословенный Господом». Он войдет и сядет за стол в доме твоём. Не расспрашивай и не суди его за бродяжничество. Больше всего он нуждается в приюте. Ему нужно тихонько посидеть. Пусть он посмотрит на твоё спокойное лицо. Не вороши его прошлое, всем своим видом покажи, что ты его не осуждаешь. Мало-помалу он успокоится. Ты налей ему молока и дай хлеба с улыбкой. Ему улыбка твоё больше нужна, чем хлеб.

– **А вообще жили дружно? Мама с папой ладили между собой?**

– Ну конечно. Они больше семидесяти лет прожили вместе. Папа, когда молодой был, в море все время ходил, мало бывал дома. В пятьдесят лет ушел на пенсию как ветеран войны.

Мама была из Бессарабии. Не из Молдавии, а именно из Бессарабии. А папа сам из поморов, с Архангельской губернии. Есть напротив Соловецких островов губа. Так и называется – губа Конюховых. В ней деревня Конюховых. Там как раз мои все-все жили.

– **Но вы сами не жили в Архангельской области?**

– Я вырос на Азовском море. Люблю его. Но когда приезжаю на Белое море, чувствую, что корнями я здесь.

– **Считается, что в советское время было очень суровое воспитание. Детей не баловали.**

– Почему не баловали? Сколько детей при советской власти курили, пили, в тюрьмы попадали!

– **А вас что уберегло от дурной дороги?**

– Меня уберегла цель. Я с детства знал, что должен дойти до Северного полюса, продолжить дело Георгия Яковлевича Седова. Дедушка сказал: «ты должен оправдать азовских рыбаков». Он очень любил Седова, много мне про него рассказывал. Всегда жалел, что не был с ним рядом в последней экспедиции. Дедушка умер, когда мне было восемь лет. Все время, что я его помню, он лежал на лавке парализованный. Летом его выкатывали в сад. Это он меня научил дневники писать. У меня его крестик есть. (Достает из-под ряс.) Он стертый уже. Серебряный.

В школе говорили: «А, Федька Конюхов, он будет путешественником». Так что по многим предметам мне поблажки делали. Но если с математикой было плохо, я ее зубрил, потому

что знал, что в мореходку не поступлю. У меня была цель. Когда ты живешь с целью, у тебя есть все.

И в детях надо воспитывать цельность. Романтика должна быть, патриотизм. Тогда человек не будет думать ни о куреве, ни о пьянке, ни о деньгах. Если думаешь о деньгах, они будут уходить. Гонисься за наградой – награда будет уходить. Нужно делать свое дело, тогда к тебе будут приходить и деньги, и награды, и слава. Вот так надо жить.

«Сын Николай, не привязывай себя к вещам, не трать свои силы на покупку товаров. Для тебя не должны товары стать судьбой. Не ищи радости в покупках. Ни одна вещь не стоит того, чтобы жертвовать собой без остатка. Я знал людей, у которых драгоценные камни стали их религией, а бриллианты стали для них божеством, и они готовы стоять за них, не щадя себя. Для тебя ничего не должно быть дороже Христа. И над тобой никто не должен властвовать, кроме Бога.

– А что из вашего детства вы передали или хотели бы передать своим детям?

– Хочу, чтобы у детей была цель. Мы в детстве хотели быть как Валерий Чкалов, как Юрий Гагарин. Когда в школе мне задавали вопрос: «Кем ты хочешь стать?», я говорил: «хочу быть как Георгий Седов». И тут же добавлял: «Я пойду учиться на штурмана, на судоводителя». А сегодня я часто выступаю в школах. Иногда спрашиваю: «Кем вы хотите стать?» А все: «Мы еще не знаем». Или: «Мы хотим быть банкирами». Банкиром тоже хорошо. Но этому тоже надо учиться.

– Кто вас в основном воспитывал?

– Больше всего – мой дед. Он на меня сильно повлиял, я видел в нем героя. Бывало, возьму его за руку и думаю: «Эта рука держала за руку Седова». Они же с Седовым здоровались за руку. И не только здоровались. Дедушка вместе с Седовым кушал, спал в одной палатке, на веслах греб. А Седов в то время был легендой.

Еще меня воспитало рыбацкое село, где я вырос. Рыбаки воспитали. И, конечно, книги. Я с детства много читал. У нас же не было телевизоров. Вообще света не было в деревне. Я в пятьдесят девятом пошел в школу, еще без света учился. И, соответственно, я читал книги. Фенимора Купера, Майна Рида, Джека Лондона, Жюль Верна. Потом – Роберта Пири, Амундсена, Крузенштерна, Кука.

– Как вы считаете, чем в первую очередь должны заниматься дети? Спортом?

– Я сам мастер спорта по многим видам спорта. Но когда говорят, что все должны спортом заниматься, я слушаю и думаю: «Неправильно говорите! Неправильно!» Сколько заслуженных мастеров спорта спилось, в тюрьмы село, особенно в девяностых годах. Почему? Потому что к спорту надо еще духовность иметь. Мы просто учим спорту, а что может спортсмен без духовности? только морды бить, и все. Надо не просто учить, надо в ребенке разобраться. У меня школы путешественников в Миассе и в Тотьме, туда дети поступают после специального отбора. Мы им даем все попробовать: парусом управлять, по скалам лазить, в походы ходить... господь Бог на каждого человека указал пальцем, каждому дал талант. Но не каждый следует этому таланту. Кому-то дано быть художником, а он идет в банкиры и становится плохим банкиром. А кто-то, наоборот, был бы хорошим банкиром, но зачем-то идет в художники. И в спорте то же самое. Может, был бы хороший конькобежец, а родители отдали на дзюдо. Вот мы в школе путешественников даем всего понемногу. И фотографировать, и рисовать. Не обязательно становиться фотографом или художником, но хотя бы азы знать нужно. Дневники ребята ведут, стихи пишут, на гитаре играют.

У меня дочка закончила художественную и музыкальную школы. А сейчас медсестрой работает. С ней можно и на самые разные выставки ходить, и на концерты. Она слушает и классику, и рок.

«В сына Николая я вкладываю всего себя, он мне в радость. Но если я не буду путешествовать, если я не буду ни к чему двигаться, не буду ни к чему стремиться – чем я буду отличаться от умерших? Я должен подстегивать других, вдохновлять других своим рвением. Я должен быть примером для сына Николая. И я об этом буду молиться Господу.

– **Отцовство – это счастье или бремя?**

– Дети – это счастье. Так же как и внуки. Знаете, я вот сколько мировых рекордов установил, те же картины, книги написал. Но сегодня – рекорд, а завтра его уже побили, сегодня книгами восхищаются, а завтра их уже забыли. А дети, внуки – это вечность, это ни с чем не сравнится.

– **Каким вопросом вы чаще всего задаетесь как отец?**

– Я не задаю вопросы. Я просто стараюсь, чтобы дети уважали и понимали меня и друг друга. Я никогда детей своих не бил, ни разу не поднял руку на них. Мог сказать: «Я не буду с тобой разговаривать» или «Я обиделся на тебя». И этого было достаточно, через несколько минут они уже прибегали в слезах: «Папка, не обижайся».

– **А если вы неправы, извиняетесь перед детьми?**

– Я не прошу прощения, а говорю что-нибудь вроде: «Да, здесь можно было по-другому сделать» или «Я так поступил, потому что я боялся за тебя». Вот так вот.

«Сын Николай, я твой отец, не слишком настойчивый и в чем-то уступчивый. Ты должен слушаться меня с первого слова. Если будешь спорить со мной, я могу уступить тебе, но это не будет тебе на пользу.

– **Вы путешествовали со своими детьми?**

– Конечно. Перегонял яхту через Атлантический океан со старшим сыном, ходил с ним вокруг мыса горн, ходил через тихий океан, через Индийский. Через Атлантический океан мы ходили несколько раз. Но я бы не хотел, чтобы мои дети были путешественниками.

– **А они?**

– Они молодцы. Они говорят: «Мы ж понимаем, что мы никогда не будем такими, как папа». У них своя судьба.

– **У них тоже есть цель, как была у вас?**

– Есть. Не такая, как у меня. Младший сын хочет военным быть. Сейчас в Суворовское будет поступать. А старший – он как менеджер. Хочет организовывать экспедиции. Он же был директором Федерации парусного спорта России.

«Сын Николай, никогда не дели свою жизнь на две, несовместимые друг с другом жизни: на работу и на досуг. Работа станет тебе ярмом, а досуг пустотой, пародией, небытием.

– **Что вам дали совместные путешествия?**

– Ну, они просто стали лучше меня понимать, уверенности стало больше. Когда мы с женой и сыном шли через Атлантический океан, начался шторм. Я понимаю, что ситуация серьезная, а они спокойны. Говорят: «Ну, ты же ходил вокруг света». У них так: если папа встал за штурвал, значит, все будет хорошо. А я-то знаю, что все может случиться, и при мне может случиться.

– **Если вашей супруги нет рядом, обед сами приготовить можете?**

– Я умею и люблю готовить. Супруга говорит: «ты лучше меня готовишь».

– **У вас есть фирменное блюдо?**

– Фирменное мое блюдо – это всегда, уже больше тридцати лет, вареная картошка (не в мундире, а почищенная), селедочка с лучком. И еще лимончиком поливаешь.

– **О чем вас дети спрашивали, когда были маленькими?**

– Однажды я младшего сына веду из садика, вдруг он спрашивает: «Папка, а ты чего-нибудь боишься?» Я говорю: «Сынок, главное – чтобы ничего не случилось с тобой, с мамой, с твоим братом, с сестрой». Я всегда за них боялся. Думаю, если я погибну, дочка будет плакать. А я не хочу, чтобы она плакала. Дочка очень любит меня. У меня такая дочка – добрая-добрая.

– **Когда ваши дети плакали, расстраивались, как вы их утешали?**

– С сыновьями я старался жестко. Младшему говорил: «ты же хочешь быть солдатом, что ж ты реवेशь?» Сразу затихал. В общем, не сюсюкал.

«Сын Николай, чем больше твое тело будет изнежено и выхолено, тем более слабым будет твой дух. Всякая роскошь только растлевает и ослабляет душу. Будь сдержан во всем.

– **А если кого-то обижали в детском саду, в школе, вы заступались?**

– Я старался не ходить. С этим жена разбиралась. Если я приходил, меня обычно воспринимали как Конюхова, как путешественника, а не как отца. При таком отношении сложно решать какие-то личные вопросы. Но сыновьям я всегда говорил, что надо уметь постоять за себя. «Пойдете в армию – там по головке не будут гладить». У меня старший брат, когда пришел из армии, говорит: «Федор, там дедовщина. Если что, сразу бей в морду, тогда сразу отстанут». На меня в армии руку не подымали, потому что знали, что я отпор дам. Кличка там у меня была – Спартак. Может быть, знаете, есть такой старый фильм с Кирком Дугласом. Он там своему врагу ногу прокусывает. У меня тоже так было: «старики» подходят – я сразу разгоняюсь, кого-нибудь хватаю зубами и начинаю кусать, и все они сразу понимают, что со мной лучше не связываться.

– **Вашим детям сейчас живется тяжелее, чем вам в их возрасте?**

– Да нет. Я думаю, что ни мне не было тяжело, ни им. Надо всегда соглашаться с тем, что есть. У нас было одно детство, у них другое. У нас одни были трудности, у них другие. Знаете, никогда на земном шаре не будет рая. Нашим дедам было легко жить? Нет. Нашим родителям – тоже нет. Да никогда не будет легко жить! Все время войны идут. Все время. У меня дед воевал в Первую мировую войну, папа – во Вторую. Дядя воевал в Корее в 1953 году, брат – в Афганистане. Я служил во Вьетнаме. Правда, не воевал, на корабле мотористом служил. Через мой род все время войны проходят.

– **Ваша любимая детская игра?**

– В детстве я в «Робинзона Крузо» любил играть.

– **А как вы играли?**

– У меня остров был на болоте.

– **То есть опять в одиночку?**

– Нет. У меня была команда. Я – капитан.

Беседовал Александр Гатилин

Комментарий психолога Петр Дмитриевский О целеполагании

*От дурной дороги меня уберегла цель
Протоиерей Федор Конюхов*

Человек – существо парадоксальное. Он стремится к очень разным вещам одновременно. С одной стороны, нам важен покой, успокоение. С другой стороны, мы стремимся что-то создать, изменить, испытать радость творчества. Психологи, изучавшие мотивы человека, приходят к очень разным выводам о том, что движет человеком. Одни больше верят в мотив достижения удовольствия. Другие считают, что в основе мотивов человека лежит стремление к превосходству: стремление перестать быть маленьким и стать таким же большим, как окружающие.

Психолог Виктор Франкл считал, что движущей силой человеческого поведения является стремление найти и реализовать смысл жизни. Ученый был убежден в том, что люди больше всего нуждаются не в расслаблении и покое, а в напряженном стремлении к некоему смыслу, который достоин их.

Как обрести этот смысл? Здесь должно совпасть несколько факторов. С одной стороны, насыщенная среда. Чем больше увлеченных жизнью людей будет видеть ребенок, тем больше для него будет «меню» смыслов. Здорово, если в течение взросления ребенку доведется повстречаться и с художником, и с ученым, и с человеком, посвятившим себя воспитанию детей, и с отшельником-молитвенником, и с политиком.

С другой стороны, важно, чтобы окружающие ребенка взрослые не были яростными сторонниками лишь какой-то одной группы смыслов. Человек рождается в этот мир с какой-то своей предрасположенностью. В отличие от животного мира, у людей иногда рождаются дети из совершенно иного «теста». Бывает, что некоторые смыслы, которые хорошо подошли бы вам или вашему ребенку, просто не приходят вам в голову. Давайте в общих чертах опишем эти предрасположенности.

Поиск и исполнение Божьей воли. Такие люди стремятся понять и исполнить Божью волю, изучая священные тексты и анализируя события своей жизни.

Альтруизм. Такие люди чувствуют себя живыми, когда служат другим людям, участвуют в благотворительности, воспитывают, являются моделью для других, открывают людям глаза на новые возможности, достоинство, свободу.

Преданность делу. Таких людей деятельность «поднимает над самим собой» и дарует ощущение смысла, даже если в ней нет явного альтруизма.

Творчество. Такие люди чахнут, если не создают чего-то нового, красивого, гармоничного. Это никоим образом не является уделом лишь художников. Творческим актом может быть научное открытие, обучение, приготовление пищи, любая работа.

Радость, созерцание. Таким людям необходимо испытывать чувство удивления чудом жизни. Им не важны достижения и социальный успех. Ценность жизни для них – в самой жизни.

Самореализация. Такие люди стремятся к тому, чтобы актуализировать себя, реализовать свой врожденный потенциал. Достигнув результата, они стремятся к новому достижению: более высокому, глубокому, значимому.

Не всегда ребенок готов принять смысл «из рук родителя». Действительно, в каких-то семьях создаются трудовые «династии». Но иногда нюх, чутье ребенка срабатывают во время встречи с людьми вне семьи. И тогда у родителей возникает трудная, но интересная задача-ребус. Амбициозному отцу приходится помогать вырасти молитвеннику-созерцателю, или «заточенной» на тепло и отношения матери выпадает доля поддерживать дочь, стремящуюся к свершениям в науке или политике.

Если вам удастся поддержать ребенка в нахождении и раскрытии его цели, это и правда может уберечь его от «дурной дороги» в период подросткового кризиса. Франкл напрямую связывал алкоголизм и юношескую преступность с душевной пустотой и отсутствием смысла.

Привлекательность алкоголя и наркотиков состоит в том, что они становятся для человека либо уникальным способом смягчить боль неприкаянности, страха и стыда, либо единственно доступным способом привнести в жизнь краски и радость. Почему же у увлеченных ребят меньше вероятности выбрать «дурную дорогу»? Дело в том, что такому человеку опьянение и последующее похмелье становятся, скорее, помехой на пути, так как мешают сосредоточиться, отвлекают от главного. Краски жизни у человека, имеющего цель, уже есть: это, с одной стороны, радость, гордость в связи с недавними промежуточными успехами и азарт, любопытство, предвкушение предстоящих микропобед. Необходимости находить «утешение» у увлеченного молодого человека также меньше: такие люди, как правило, постепенно обрывают кругом единомышленников и наставников, с которыми можно обсуждать возникающие на пути трудности.

Владимир Легойда В воспитании нет алгоритмов

Владимир Легойда.

Фото: Владимир Ештокин / журнал «Фома»

Он родился в семье милиционера и учительницы. Любил гонять в футбол, хорошо учился и в то же время умел найти общий язык со школьными хулиганами. Никто и предположить не мог, что из этого обычного мальчика вырастет человек, который будет отвечать ни много ни мало за всю информационную политику Русской Православной Церкви. Председатель Синодального информационного отдела РПЦ Владимир Легойда – о своем детстве, об уроках, полученных от отца, и об осознании собственного отцовства.

Биографическая справка

Родился 8 августа 1973 года. В 1996 году с отличием окончил факультет международной информации МГИМО (У) МИД России. В 2000 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата политических наук. В 2005-м ему присвоено ученое звание доцента. Женат, трое детей: Лиза (2008 г. р.), Аня (2010 г. р.), Рома (2012 г. р.). Автор трех публицистических книг, многочисленных научных и научно-популярных статей и трогательных записок о жизни своих детей.

Блиц-опрос

Ссылка на видеоинтервью с Владимиром Легойдой в интернет-журнале «Батя» <http://rusbatya.ru/legoyda/>

Кто в доме хозяин?

– Любовь. Которая есть Бог. Бог есть любовь.

Отцовство – это...

– ...самое главное в жизни мужчины.

Каким должен быть настоящий мужчина?

– Настоящий мужчина должен быть добрым, умным, сильным, как обычно говорят. И он должен быть рядом со своей семьей.

Настоящий муж?

– Настоящий муж – это настоящий мужчина.

Настоящий отец?

– Странно, если настоящий отец не настоящий муж и не настоящий мужчина. Но я думаю, что здесь еще одно ключевое качество – это ответственность. Потому что дети смотрят на отца и делают, как он.

Что вы делаете, когда дети не слушаются?

– Ой, по-разному бывает...

Слова или поступок отца, которые врезались в память?

– «людям нужно делать добро». Где-то в семь-восемь лет от папы услышал и врезалось в память. Мы шли домой из гаража, я держал папу за руку и спросил что-то такое: «Почему у тебя все время руки теплые?» А он сказал: «Потому что, если ты стараешься делать людям добро, у тебя будут теплые руки».

Какая книга по-настоящему повлияла на вас?

– Если не считать Библию, которая, безусловно, повлияла больше всего, это три книги: «Исповедь» Блаженного Августина, «Братья Карамазовы» Достоевского и «Дон Кихот» Сервантеса.

Первые слова детей – какими они были?

– Помню про старшую дочку. Лиза, глядя на лампу и показывая пальчиком, говорила: «Дада!»

Какие детские песни вы знаете? Напойте любимую.

– Мы поем взрослые песни.

Что вы бы хотели донести до своих детей?

– Что-то главное... Про любовь, я думаю...

Сколько должно быть детей в семье?

– Не могу согласиться с вопросом. Я не думаю, что есть какая-то цифра. Но меньше трех – скучно!

– Вы росли в дружной семье?

– Да. Родители для меня – это такой безусловный пример любви. Часто люди путают любовь с влюбленностью. Влюбленность – это хорошее чувство, возникающее в начале отношений, и оно может либо перерасти в любовь, либо нет. Мои родители мечтали о детях, нянчились с малышами друзей, но сами прожили без детей шестнадцать лет. И это никак не поколебало их отношений. Сейчас папе восемьдесят два года, маме – по-прежнему восемнадцать, и они очень трогательно друг к другу относятся. Это не значит, что у нас была какая-то нереально идеальная семья. Всякое бывало: сложности, ссоры и прочее, но мы жили в атмосфере любви.

«Странно, если настоящий отец не настоящий муж и не настоящий мужчина. Но я думаю, что есть еще одно ключевое качество – ответственность. Потому что дети смотрят на отца и делают, как он.»

– Наверное, как и во многих других семьях, вашим воспитанием в основном занималась мама?

– В основном, да. А папа... Папа был такой фантастический коммуникатор. Он брал меня с собой в машину, я с ним очень много ездил по разным делам и видел, как он общается. Может быть, вот откуда у меня основы дипломатических навыков общения.

– Ваш отец работал в милиции. Каково это, когда папа – милиционер? Мечтали пойти по его стопам?

– Я больше хотел стать разведчиком. Примерно так и получилось. (Смеется.) А отцом я гордился не потому, что он милиционер, а потому, что папа – это было что-то особое. Ну... с ним праздник был какой-то всегда. Куда-то поедет: на лыжах кататься, проводы русской зимы устраивать, на лошадях с санями...

Отец – охотник и рыболов, мог из леса что-то интересное принести. Однажды принес ежика, он прожил у нас три дня. Днем спал за батареей, а ночью начинал бегать.

У нас было три комнаты: родительская, детская и зал, как говорят в Кустанае. В зале жила тогда наша двоюродная сестра, приехавшая учиться. И вот утром она говорит: «Дядя Рома, ежик бегает всю ночь». А папа отвечает: «Да ладно, пусть себе бегает. Прекрасный ежик, детям нравится!» Вторая ночь – сестра опять: «Не могу спать, он топает, как слон!» Папа опять посмеялся.

А на третью ночь сестра взяла этого ежа, запустила к родителям и дверь закрыла. Папа встал утром и решительно так: «где этот еж?! – Мы что-то там попытались возразить, а он: – Все! Никаких ежей! В нашем доме достаточно кота!»

А еще отец занимался пчеловодством, потому что, когда мы родились, кто-то ему сказал: «Детям нужен мед». Не то чтобы папа страстно хотел это все делать, но он решил, что мед должен быть хороший, свой. Я ездил с ним качать мед. И это была, конечно, мука для меня страшная, я ненавидел крутить центрифугу. У нас было двадцать ульев, и три дня мы убивались на жаре. Пчелы – я их дико боялся. Надевал на себя перчатки, нарукавники, а папа надо мной подсмеивался, потому что он всегда работал без перчаток. И работает. У него сейчас небольшая пасека есть, на девятом десятке.

– У вас младшая сестра. Наверное, приходилось о ней заботиться?

– У нас есть такая семейная шутка: я говорю про свою сестру, что это человек, лишивший меня детства. В год я стал «взрослым», потому что мама была беременна и все мои «хочу на ручки» пришлось отставить. Но я что-то не припомню, чтобы приходилось как-то сильно заботиться о сестре, когда она родилась. Вот потом, когда она в школу пошла, я уже был таким записным отличником и пытался ей помогать. Но поскольку для школьного учителя у меня не хватает одной из базовых характеристик – терпения, мои объяснения всегда плохо заканчивались. Для сестры.

А еще у нас было такое правило: она младше, она девочка, значит, ей больше прощается. Помню, она мне как-то сказала в порыве нелепого откровения: «Что ты думаешь, я всегда по-настоящему плачу что ли? Да мне заплакать ничего не стоит. Вот, смотри!» – и стала рыдать. С тех пор, когда она плакала, я ей не верил и какие-то даже тумачи отвешивал, считая, что ей не больно, и маме говорил: «Не верь! Она притворяется!»

– Это никак не повлияло на ваше отношение к женщинам в будущем?

– Отношение к женщине складывалось из того, что я видел вокруг – у родителей, у их друзей. Мама и папа родились еще до войны, выросли в деревне на Украине, воспитывались в окружении людей еще дореволюционных, в среде которых были уважение к возрасту, к традиции, к вековому укладу жизни. Мы в детстве все это видели.

Помню, мы были на границе того возраста, когда мальчишки начинают здороваться за руку. И это было так сильно, значимо, когда взрослый подает тебе руку. Мы пришли как-то с другом к нам домой, зашел папа, протянул другу руку, а тот не поднялся с места. И папа ему так спокойно, улыбаясь, сказал: «Когда здороваешься, надо вставать». Я тогда обиделся даже, что он моему другу выговаривает, а он засмеялся и сказал: «ты позже поймешь».

– Получается, ваше воспитание – оно, скорее, из семьи, да? Не улица, не школа вас воспитала, а именно семья.

– И да и нет. Семья не может не воспитывать. И даже если она этого не делает, то это тоже воспитание – только со знаком минус. Улица? Я там играл в футбол, в хоккей. Как все.

У меня по жизни было три учителя. Первым стал дядя Слава. В седьмом классе я начал интересоваться философией. Товарищ дал мне «Историю философии» Фейербаха, почему – сейчас уже не скажу. Может быть, ничего другого не было. Я прочитал и сказал маме: «Мне нужны еще такие книжки». Вот тогда она и познакомила меня со своим коллегой, учителем физики, в тот момент работавшим в школе при колонии. У него была огромная библиотека, и он всерьез интересовался философией. С моего седьмого по десятый класс не было недели, чтобы я не бегал к нему поговорить. Мы часами ходили туда-сюда по аллеям возле нашего дома и вели беседы. Он был моим Сократом.

Меня дядя Слава привлекал еще тем, что он был не кабинетным ученым, а настоящим философом по жизни. А еще я впервые встретил человека, у которого в жизни произошло коренное перерождение. Молодость свою он прожил настолько бурно, что балансировал уже где-то на грани тюремного заключения. Но в один день проснулся и подумал: что я делаю, почему?! И изменился. Люди, которые знали его в юности, просто глазам своим не верили. А те, кто узнал дядю Славу уже другим, не верили его рассказам о прошлом, пока он не показывал татуировки, которых очень стыдился и прятал под длинные рукава рубашки и циферблат наручных часов.

Знаете, есть такой стереотип: либо ты футболист, либо скрипач. Если футболист – то троечник, если скрипач – то слабак. А дядя Слава был физик, философ и человек, которому не страшно ходить по ночам по темному городу. Он очень серьезно занимался спортом и шутил: «Что хулиганов бояться? Пусть они бояться!» Мы с ним вели сократические беседы и иногда вместе бегали по утрам. Меня поражало, что один человек мог столько всего в себя вместить! Вячеслав Николаевич и сейчас преподает в Кустанае.

«Семья не может не воспитывать. И даже если она этого не делает, то это тоже воспитание – только со знаком минус.»

– **А другие ваши два учителя, это кто?**

– В Москве, в институте у меня сразу появилась любимая кафедра и любимый учитель – Юрий Павлович Вяземский. Это мой научный руководитель диплома и диссертации, ведущий программы «Умники и умницы», писатель и очень близкий мне и всей нашей семье человек.

С ним знакомство произошло задолго до личной встречи. Еще в школе я прочел книгу Юрия Павловича Вяземского «Шут» и посмотрел снятый по ней одноименный фильм Андрея Эшпая. Книгой я бредил.

Я очень многому научился у Юрия Павловича, в том числе каким-то поведенческим вещам, которые считаю крайне важными. Скажем, он всегда встает, когда в комнату входит женщина, и также всегда встает, когда она выходит. Кто сегодня соблюдает эти правила, особенно в рабочей обстановке?

А третий мой учитель – отец Герман (Подмошенский), который когда-то вместе с отцом Серафимом (Роузом) создал православную общину в США. Я познакомился с ним, когда учился в Америке, и он до самой своей смерти в 2014 году играл очень большую роль в моей жизни.

Однажды в беседе отец Герман сказал: «если женщина плачет, это никогда не бывает просто так». То есть всегда есть причина, и, если тебе она непонятна, это вовсе не значит, что ее нет. Поэтому, если жена обижается, значит, все-таки я сделал что-то не так.

– **У вас счастливая семья?**

– У меня нет ни одного основания, чтобы ответить отрицательно. Но понятие счастья – оно такое размытое. Мне долго казалось, что оно все приземляет как-то, занижает. Счастье – это все живы-здоровы, много денег, отдых, веселье и прочее. А потом я обратил внимание на то, что в русском переводе Библии нет призыва «будьте счастливы», а там сказано «всегда радуйтесь». И у нас, безусловно, радостная семья.

Один из вариантов перевода греческого слова «блаженный» – «счастливый», и получается, что все критерии счастья даны в Нагорной проповеди: блаженны нищие духом... До этих высоких критериев мы не дотягиваем, но в нашей семье присутствуют и радость, и любовь.

«Родители для меня – безусловный пример любви. Это не значит, что у нас была какая-то нереально идеальная семья. Всякое бывало, но мы жили в атмосфере любви.»

– А есть какой-то секрет, какое-то, может, правило, которое помогает сохранить крепость семьи?

– Секрет тут только один – любовь. Другое дело, что это такой несекретный секрет. Помимо лучшего из всего, что когда-либо было написано человеком о любви, а именно слов апостола Павла из Первого послания Коринфянам о том, что любовь «долготерпит, милосердствует, не ищет своего», мне нравится еще одна фраза Пришвина. Я прочитал ее еще в школе: «любовь – это неведомая страна, и мы все плывем туда каждый на своем корабле, и каждый из нас на своем корабле капитан и ведет корабль своим собственным путем». Конечно, если придаться к метафоре, можно сказать, что вообще-то есть принцип движения кораблей. Но я считаю, что любовь исключает всякие алгоритмы. Сколько у меня друзей, столько у них историй: как встретились, как поняли, что это их человек, как живут.

– А как вы поняли, что перед вами ваш человек?

– Как-то очень быстро. Настя три года писала для журнала «Фома», я знал, что у нас есть такой автор, но мы никогда не встречались. Однажды, я просто шел по редакции, смотрю: сидит девушка, печатает. Я спросил у своего коллеги и друга, кто это. Он удивился: «Это Настя Верина, ты не знаешь что ли?» Я сразу пригласил ее – срочно «обсуждать материал».

Был такой случай. У нас уже дело шло к свадьбе. Однажды у меня был эфир на радио, и я потом спросил у Насти, как ей. А поскольку она человек серьезный и обстоятельный, то стала объяснять, что понравилось, что нет, и даже критиковать. По-хорошему критиковать. Но я как-то немножко не ожидал, и мы даже повздорили. Она рассказала об этом своему духовнику, а он ей: «ты определись, кем хочешь быть – женой или критиком? если критиком, тогда это другая история».

Я не хочу сказать, что она все время мной восхищается. Просто это и правда совсем другая история. Мне есть с кем обсудить рабочие моменты. При этом Настя что-то мне подсказывает, более того, я сам часто прошу у нее совета.

– Ваша супруга не работает?

– По профессии она преподаватель японского языка, но с момента рождения Лизы пока не выходила на работу.

– Каково ей сидеть дома?

– Вот как мамины заботы можно назвать словом «сидеть»? Я думаю, ей непросто, но это не та тяжесть, которая приводит к разговорам типа «ой, я деградирую, срочно нужно выходить на работу!». Во-первых, ей скучать некогда, во-вторых, с этими, как я их называю, «тремя поросятами», правда интересно. А в-третьих, она читает, иногда пишет сама, у нее есть круг своих интересов и друзей.

– Получается, у нее за годы родительства мало что меняется, только детей становится больше. А вот у вас как раз произошли серьезные перемены: были завкафедрой и главным редактором журнала – стали председателем Синодального информационного отдела. Как это повлияло на ваше отцовство?

– Ну как повлияло? Старшую, Лизу, когда она маленькая была, я часто купал сам. Среднюю, Аньку, – всего несколько раз, а Рому – почти никогда. Потому что Лиза родилась раньше, чем произошли перемены на работе, еще в прошлой жизни.

«Лиза смотрит, как я листаю ленту «Фейсбука»:

– Папа, а почему здесь везде ты? Потому что ты – персонаж журналов?

– **То есть главное отличие – нехватка времени?**

– Безусловно, стало меньше времени, но дело даже не в этом. Когда меня назначили, я разговаривал со Святейшим Патриархом, советовался, и он сказал, что надо выполнять свою работу «с пониманием высокой ответственности за каждое сказанное слово». Конечно, просто так болтать языком никогда не нужно, и евангельский принцип говорит о том, что за каждое праздное слово человек даст ответ. Но мы понимаем, что есть разные уровни ответственности. А когда любое твоё слово может быть интерпретировано как позиция Церкви, то тут десять раз подумаешь, как сформулировать ту или иную фразу.

– **Не получилось ли, что ваша профессиональная деятельность отняла вас у семью?**

– Знаете, это вопрос в плоскости: что важнее – семья или работа? Я считаю, это неправильный вопрос: их нельзя сравнивать, взвешивать на одних весах. Семья – это жизнь. Работа – это работа, служение. Мне в жизни повезло: я никогда не занимался тем, что мне неинтересно. Я знаю, некоторые люди ищут себя до сорока лет, некоторые – всю жизнь. У меня такого не было. По окончании института у меня сформировалась четкая позиция: хочу преподавать. И я остался преподавать. Мне нравилось делать журнал. Я и сейчас работаю по профессии, которая мне интересна. Это не моя заслуга, это такой подарок Небес, что у меня не такая работа, где «папа просто зарабатывает деньги». И для семьи это тоже важно, это создает определенную атмосферу.

«Мне казалось, что понятие счастья все приземляет. Я обратил внимание, что в Библии нет призыва «будьте счастливы», но «всегда радуйтесь»».

– **А вы успеваете с детьми общаться?**

– Как-то в одной умной книжке или статье про воспитание я прочитал, что вообще важно не сколько ты времени проводишь с детьми, а как ты его проводишь. Поэтому я перестал беспокоиться по поводу количества часов.

– **Ну хорошо, но ведь бывает, наверное, так, что вы пришли домой, дети от вас чего-то хотят, а вы так устали, что уже ничего не хотите...**

– Ну конечно, бывает. Просто часто, когда я уже ничего не хочу, дети уже спят. Но меня очень трогает всегда, когда они спрашивают в выходной день – раньше Аня, а сейчас уже и Рома: «А ты сегодня не идешь на работу? О, папа не идет на работу!»

– **Вы помните момент, когда вы почувствовали себя отцом?**

– Помню. Утром Настя сходила к врачу, тот сказал: «Все в порядке, через пару недель приходите». Она спокойно поехала к моим родителям за город, и там у нее начались схватки. Я примчался из Москвы. Меня даже пустили в палату к жене и показали Лизу. Я увидел: лежит под колпаком такой комок с трубочками – и при этом почувствовал, какое это свое, родное...

Дежурный врач стояла рядом, говорила много умных и непонятных слов, как студент-отличник на экзамене. А у меня был один вопрос: это все пройдет? Это не страшно? И врач, как мне показалось, убеждала, что все не очень страшно. Поэтому на следующий день я пришел абсолютно спокойный. И тут мне говорят: «Ребенок в реанимации». Я даже поначалу не придавал этому должного значения. Спрашиваю: «Доктор, а когда мы сможем забрать дочку домой?» Наверное, это прозвучало очень легкомысленно, потому что врач мне довольно резко ответила: «Вы видите, что здесь написано? Реанимация!» И вот тогда за этого маленького и еще даже незнакомого человека стало по-настоящему страшно.

– **Что вас поддерживало в тот момент?**

– Один замечательный священник, друг семьи, сказал мне тогда: «Не переживай так сильно». Я говорю: «А вдруг что-то случится?» И он мне ответил: «Ну, с точки зрения спасения ее шансы выше, чем ваши». Кто-то может счесть это очень жесткой, страшной фразой – я так и отреагировал вначале. Но так как это сказал не чужой человек, я понял, что это правильно. Какой же я христианин, если не верю?

– **А вообще за детей страшно?**

– Да, очень. Но мне страшно в основном из-за того, что я вижу в уже подростковом поколении, в своих студентах в институте, из-за того, что я слышу про школу. Хотя, наверное, это не совсем правильно. Когда крестили Аню, игумен Дамаскин (Орловский) сказал: какими вырастут дети, зависит только от родителей. Если дети будут видеть родителей-христиан, то и у них будет шанс вырасти христианами. Вроде бы трюизм, но он сказал это так серьезно, что я задумался и говорю: «Батюшка, это очень сложно». Он кивнул: «Но зато спасительно и благотно».

«В одной умной книжке про воспитание я прочитал, что важно не сколько ты времени проводишь с детьми, а как ты его проводишь. Поэтому я перестал беспокоиться по поводу количества часов.»

– **А как вы, педагог, оцениваете ситуацию в российском образовании, ЕГЭ и прочее?**

– Я не являюсь безусловным противником ЕГЭ и как преподаватель понимаю, что любой тест объективнее, чем устный экзамен. Но тест не может быть единственным критерием оценки знаний. В результате последние два школьных года дети не учатся, а готовятся к тестам. И это чудовищно! Они знают какие-то цифры, факты, сколько было лет старухе-процентщице, но не могут просто, не выискивая там какие-то детали, читать «Преступление и наказание».

Как-то я читал своим студентам в МГИМО лекцию о природе искусства в курсе культурологии и к слову стал цитировать: «Прощай, свободная стихия, в последний раз передо мной...» А потом мысль у меня промелькнула, и спрашиваю: «Чьи это строки? Можете продолжить?»

Мне кажется, Пушкин вообще узнаваем – по ритмике, по мелодике. Но не так страшно, что они не ответили, хотя на потоке в сто второкурсников мог бы найтись хоть один знающий. Меня потрясло другое. Мальчик поднял телефон и сказал: «Нет интернета». То есть поиск ответа на вопрос это поколение ищет не в глубинах своей памяти, не в прочитанных книгах, а в поисковой системе. Я засмеялся горько и сказал: «Я готов вам зачет поставить, потому что вы одной фразой сейчас охарактеризовали современное отношение к знаниям».

А через неделю я был на форуме талантливых школьников, и они, конечно, могли назвать автора этих строк.

Но потом я решил поговорить с одним мальчиком, который мне показался особенно интересным: «Зачем вы ходите в школу?» – «Чтобы поступить в университет». – «А для чего – в университет?» – «Ну, чтобы получить диплом, устроиться на работу, хорошо зарабатывать...» Это нормально, что он хочет зарабатывать, но пугает то, что он не рассматривает знание само по себе как силу.

В образовательных системах сегодня написано про какие-то навыки и компетенции. Но, как сказал один журналист, «компетенции есть и у служебной собаки». Вопрос: кого мы готовим? Я крайне скептически отношусь к современной школе, хотя есть пока и хорошие школы, и великолепные учителя. Но все происходящее в образовании увеличивает нагрузку на семью.

– **Что же делать семье?**

– Когда-то очень давно я прочитал в какой-то книжке, что родители делают стандартную ошибку, задавая своим детям вопрос: «Какую оценку ты сегодня получил?» Правильный вопрос: «Что ты сегодня узнал?» Но если раньше неправильный вопрос не приводил к фаталь-

ным последствиям, потому что в обществе было стремление к знаниям, то сегодня как раз очень многое зависит от того, как ребенка сориентируешь.

– **Вы как ориентируете своих детей?**

– Мы, например, с Лизой «ходим быстрым шагом» – так это у нас называется. Аня и Рома маленькие еще, они за моим шагом не успевают, а вот Лиза уже большая, в первый класс идет, она может. И я говорю: «Ну, пойдем, погуляем». И мы ходим и разговариваем.

А еще мы с детьми учим столицы государств. Я сделал карточки, и мы в игровой форме запоминаем. Они, может, не до конца понимают, что такое государство, но на Китай всегда ответят Пекин и назовут, в какой стране находится Тегусигальпа. Это тоже, может быть, тестовый подход... Я не знаю, как надо, как правильно, но я стараюсь следить за их развитием.

Одно время я стал читать книги о воспитании килограммами, и они показали мне, что любая, даже самая классная теория на практике может не сработать, и алгоритмов тут быть не может. В книге написано: «Если ваш ребенок не идет обедать – а мои дети никогда не идут обедать, – не надо звать несколько раз. Надо показать, что вы настроены серьезно, подойти и один раз сказать, а дальше стоять и не уходить».

Ну, я попробовал. Стою. Лиза продолжает сидеть и смотреть книжку. Я стараюсь не повториться, все по теории. Начинаю сочинять всякое: «Папа что-то сказал...» И так кручусь, и этак. Она сидит. Но в итоге все равно приходится повторить.

«Рома: *На юки, на юки!* (на руки то есть)

Я: *Ромочка, папа работает...*

Лиза: *Папа, ты обязан. Рома – твой сын. К тому же беззащитный.*

– **Вы с детьми играете?**

– Я пытаюсь с детьми как-то дурачиться. Помню, мы с сестрой в детстве просили папу: «Папа, побудь маленьким!» И он начинал махать руками, ногами, кричал: «Аааа!» Нас это очень смешило. Я, наверное, более строгий. Может быть, это преподавательское во мне что-то включается.

Недавно я утром проснулся, дети забежали в комнату, и Лиза сообщила, что папа будет деревом, а они – «стадом удавов», которые заползут на ветки и будут на них висеть и раскачиваться. Я сказал, что не хочу быть деревом, что мне это не нравится. Но Лизой был урезонен: «Папа, деревья не разговаривают! Ты можешь только шевелить пальчиками-листочками, но не очень быстро».

– **Дети не обижаются, что вы не всегда готовы играть в их игры?**

– Знаете, иногда говорят: «Когда много детей, то совсем нет времени». Но ведь любому человеку важно побыть одному. И ребенок не исключение. Понятно, когда грудной малыш – все внимание родителей обращено к нему, а ребенку в два-три года, а тем более в четыре-пять лет уже нужно уединение. Не надо все время над ним висеть. У нас даже Рома уже может убежать и сидеть один играть. И это правильно. Ребенок в этот момент сам что-то узнает, у него естественным образом формируется какое-то практическое знание. Зачем мешать?

– **О каком будущем для своих детей вы мечтаете? Кем бы вы хотели их видеть?**

– Я читал Анечке детскую книжку про Ксению Петербургскую недавно, а она сказала: «Я хочу быть такой же. Святой Анной». (*Улыбается.*)

Конечно, я думаю об их будущем. Мне бы хотелось, чтобы им, как вот мне, посчастливилось заниматься тем, что нравится, без внутреннего конфликта, без фактора необходимости зарабатывать деньги на нелюбимой работе. Тогда бы я был доволен. Как и все, я считаю очень благородными профессии врача и учителя.

– **Это мечта – чтобы они стали врачами или учителями?**

– Понимаете, о таком неправильно мечтать. В фильме по повести Юрия Павловича Вяземского «Шут» герой говорит: «Я учитель по призванию, а она – по недоразумению». Я не хочу, чтобы они по недоразумению становились кем бы то ни было.

«Когда-то очень давно я прочитал в какой-то книге, что родители делают стандартную ошибку, задавая своим детям вопрос: «Какую оценку ты сегодня получил?» Правильный вопрос: «Что ты сегодня узнал?»

– У вас дети ходят в храм, причащаются, посещают воскресную школу. Но сейчас много говорят о феномене «расцерковления» детей из верующих семей. Не боитесь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.